

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

© 2015 г. О. В. Загорская, Л. С. Николаева

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова
Донского государственного аграрного университета*

В статье анализируется феномен социальной компетентности его роль в обыденном сознании. Автор указывает, что социальная компетентность является одним из важнейших компонентов обыденного сознания, что и рассматривается им в контексте возрастания когнитивного интереса.

Ключевые слова: обыденное сознание; социальная компетентность; обыденное знание; повседневность; социокультурная матрица; социальная действительность; общество; личность.

Phenomenon of Social Competence and its role in ordinary consciousness is analyzed in the article. Authors points out the social competence is one of the most important components of ordinary consciousness, and consider it in the context of cognitive interest growth.

Key words: ordinary consciousness; social competence; ordinary knowledge; everyday life; social and cultural matrix; social actuality; society; personality.

Философский интерес к миру повседневности традиционно представляет исследование научного знания, его общей природы и различных форм. Иными словами, научное знание противопоставляется обыденному по критериям объективности, строгости, доказательности и универсальности [10].

Однако по мере углубления исследований по методологии науки в контексте социологии и культурологии научного познания необходимо отметить, что ядром и основным условием развития научности остается обыденное сознание и его квинтэссенция — здравый смысл. Социальное знание в большей степени, чем знание в «науках о природе» обращено к проблеме повседневности, так как реальная жизнь и жизнедеятельность человека проявляются в реализации, в основном, схем повседневности.

В представленной работе мы попытаемся осмыслить, каким образом соотносятся повседневное знание, знание «чувственно тактильное» с социальной компетентностью как знанием о сущности социальных механизмов, социальных отношений и навыками анализа актуальных социальных явлений. Не вдаваясь в детали спора о том, кто может являться носителем социальной компетентности (элита, экспертное сообщество или «люди с улицы»), можно отметить, что концепция повседневности выявляет, в первую очередь, разноплановость форм постижения социального бытия.

Нетрудно видеть, что повседневность современного общества не является рутинной, повторяющейся, цикличной, что современный человек живет в условиях неопределенности, влияния системных вызовов

на его индивидуализированный социальный микромир. Важным шагом в постижении повседневного знания является то, что оно формируется и под воздействием различных теорий, часто искаженных или используемых для манипуляции, и как результат жизненного практического опыта, «габитуса человека», по выражению П. Бурдье. Социальная компетентность в этом контексте мыслится как итог рефлексии, освоение форм социального знания и ориентация на познание взаимосвязей и явлений [2].

Построенная таким образом бинарная модель указывает на различные источники формирования знания об обществе, повседневности, с одной стороны, и социальной компетентности — с другой. Важным доводом является то, что для достижения социальной компетентности человек должен выходить за пределы повседневного опыта и не только за счет увеличения межличностных контактов, посещения новых мест, но и путем освобождения от стереотипов мышления и поведения, банальностей восприятия, а также, что не менее важно, от стремления систематизировать, обобщить, сопоставить полученные данные на основе избранной теоретической конструкции.

Постнеклассическая философия устанавливает особенности, свойственные повседневной рациональности — рациональности, понимаемой как адекватное прогнозирование ординарных социальных ситуаций в целях воспроизводства формы деятельности и мышления. Социальная компетентность описывается как система открытости изменениям, как условие возможности новых ментальных и поведенческих практик. Также важно, что с социальной компетентностью связывается толерантность, ориентация не только на принятие иного суждения, но и создание сферы взаимопонимания [2].

Исходя из предварительных философских установок, можно выделить следующие аспекты обсуждаемой проблемы: гносеологическая природа обыденного сознания и социальной компетентности; взаимовлияние обыденного сознания и социальной компетентности; формы выражения обыденного сознания в социальной компетентности.

Соглашаясь с И. Т. Касавиным и С. П. Щавелевым в том, что обыденное сознание явля-

ется социокультурной матрицей для различных дистанцированных от повседневности форм, (это касается и социальной компетентности), мы полагаем, что повседневность и социальная компетентность разделены только условно, в воображении. В реальных же поведенческих практиках личность, демонстрирующая социальную компетентность, вовлечена в процесс повседневности и в связи с этим встает проблема: каким образом происходит взаимовлияние компетентности и повседневности [7].

Выдвинем предположение, что, если обыденное сознание порождается повседневным бытием, то именно в этом есть импульс для нарастания или падения интереса к социальной компетентности. Если повседневное бытие упрощено, схематично, повторяемо, требует алгоритмизации, стандартизации жизни, социальная компетентность истощается знанием основных рецептов обыденного здравого смысла. Если же повседневное бытие есть набор «нестандартных» стандартов, можно полагать, что, как пишет российский исследователь А. Ашкерев, за вопросом «Что есть социальная компетентность?» скрывается вопрос «По каким признакам мы можем считать человека компетентным?»

В российском обществе высок уровень некомпетентности, в частности, среди представителей экспертных сообществ, ассоциируемых с носителями специализированного знания. Тусовочность, «научное» высокомерие, использование клишированного мышления и заимствованных схем существенно понижают уровень социальной компетентности и даже дискредитируют саму идею [8].

Осознав себя в качестве компетентного человека, эксперт одновременно и постулирует себя в качестве человека превосходящего. Открыв возможности безграничной критики обыденного знания как источника невежества, суеверий и манипуляции, можно сказать, что только компетентные люди являются гражданами, и только от них зависит, как формируется социальное обустройство, и каким образом возможен диалог между обществом и элитой.

Неприемлемость социальной дискриминации, разделение сценария на массы и экспертов делает возможным вывод, закономерный вытекающий из гносеологической приро-

ды обыденного сознания и социальной компетентности. Компетентность в этом смысле есть обыденное сознание, помноженное на степень аналитичности. Проще говоря, социальная компетентность является целью, которую требуется достичь обыденному сознанию.

Это уравнение имеет множество следствий. Но главное, что оно становится новым принципом сочленения обыденности и аналитичности. Для того чтобы обладать социальной компетентностью необходимо, в первую очередь, обладать обыденным знанием. В противном случае это приведет к насилию над действительностью и одновременно выражает собой эталон жизненного пренебрежения, имеющего отношение ко всем социальным событиям.

В обыденном сознании человек в состоянии доказать, что он личность, способная устанавливать некоторые аналитические рамки в соответствии с предписаниями действительности. Избранная классической философией стратегия маргинализации повседневности, сведение к чувственно эмоциональному, несистематическому, дисгармоническому превращало вопрос о социальной некомпетентности в вопрос поиска высоких социальных идеалов или осуществления социальных макропроектов.

Без подверженности этому соблазну социальная компетентность не мыслима без обыденного знания. Если возвышение над опытом и есть условие того, что И. Кант обозначает как свободную причинность, компетентный человек обретает самостоятельность в овладении и распоряжении повседневным знанием.

Немецкий философ Ю. Хабермас пишет: «Насыщенное опытом историческое мышление как будто бы призвано к тому, чтобы критиковать утопические проекты. Чрезмерное же утопическое решение вроде бы имеет функции открывать альтернативы для действия, а также пространство для осуществления возможностей, выходящих за рамки исторической непрерывности» [3].

В контексте исследуемой проблемы можно сказать, что повседневность относится к компетентности как к риску утопии, отрыва от действительности, а наделенность компетентностью закономерно выявляет уость,

закошенность повседневности. Сознание современного человека не может существовать вне «утопической» энергии, без того, чтобы не заклинять абстрактное прошлое и руководствоваться сценарием будущего.

Общественные устройства, на первый взгляд, достаточно простые, чтобы вывести резоны повседневности, имеют большую вероятность побочных затемненных последствий. Каждодневно человек узнает о тех событиях, которые, казалось бы, не влияют на повседневное бытие, но фактически способствуют превращению автономности в зависимости, а рациональности в неразумие.

Связь между миром повседневности и социальной компетентностью проходит через узнавание неузнаваемого: социальная система кажется сложной, а социальное знание призрачным в условиях расширения сферы неподконтрольности простому человеку. Отсюда распространяется подозрение, что и повседневное сознание не является таким надежным ориентиром, как оно кажется.

Человек не в состоянии целиком использовать опыт прошлых поколений, а собственный опыт подсказывает формулу «сомневаться во всем». «Недобрая» идея жизненного пессимизма формирует представления об обществе, как не имеющим «человеческого лица». По сути, повседневное сознание не отказывает человеку в праве опытного воссоздания или экспериментирования с действительностью.

Вместе с тем, наблюдается оповседневнивание социальной компетентности, которая таит в себе не столько опасность упрощения, когда выверенная суммой фактов оценка подменяется мифологемами, а компетентность становится «тривиальной», сколько потерю смысла социальной аналитики, способности конструировать новое социальное пространство или перехода от инструментализации обретения себя к порядку и к знающему человеку.

Любопытно отметить, что перенос методологии повседневности на масштабные явления (мир политики, экономики, культуры) вызвал стремление использовать бытовые привычки и обыденные стереотипы, вместо того, чтобы по традиции классической философии, возвышать повседневность до состояния научной мудрости. Более того, соци-

альный статус компетентности используется для того, чтобы формировать новые стереотипы с целью внедрения их в повседневное сознание.

Между тем, компетентность нуждается в том, чтобы сделать мир повседневности доступным для общественного диалога. Лишь в том случае, если социальные действия будут искать свое единство среди гарантирующих идентичность близость позиции систем толкования, готовность к согласию может быть установлена. Влияние повседневности проистекает вследствие естественной нужды человека в легитимации, в том, чтобы социальная компетентность выступала системой адекватной интерпретации событий и явлений.

В соответствии с ортодоксальной позицией, знание общества может быть только знанием личности, возвышающейся и над повседневностью, и над интересами отдельных групп, слоев и кланов. Сегодня мы в состоянии представить это положение как ситуацию крайней маргинализации. Типичным для простой обыденности является вынужденный индивидуализм, действие на свой страх и риск. Схемы компетентности связывают только воображаемых индивидов и действуют вопреки логике обыденности.

Более того, общество не может представляться наглядно: оно только абстрактно. Оно все больше превращается в запутанную функцию систем и отношений, к которым нельзя применить аналоги повседневности. Эти слова философа Р. Гвардини можно с успехом применить к оценке обыденности. В том же духе можно было бы сказать многое, поскольку сама повседневность складывается лишь чисто эмпирически, утверждая ценность актуального.

Но автономия повседневности, и это отмечалось ранее, выражается в том, что, только опираясь на личный или групповой опыт, личность уважает и даже пытается культивировать компетентность. Впрочем, для современного человека сильна мода на некомпетентность как способ самоутверждения, как «высвобождение» сил, которые дают возможность отрицать социальное знание и относиться к непосредственно человеческому как чему-то выдуманному.

Важным моментом является то, что мы называем резким наступлением полукомпетентности, то, что российский ученый Ж. Т. Тощенко именует существованием парадоксального человека. Рождению парадоксов, заявляет он, в немалой степени способствуют противоречия между теорией и фактами, между которыми нет логического моста, ибо в каждом акте сознания присутствует страстный вклад познающей личности. И эта добавка не свидетельство несовершенства, а на- сущно необходимый элемент знания [4].

Для классической философии вероятным непреложным следствием является диагноз больного сознания — сознания, мыслящего мифологизированно и упрощенно. Для нас важно, что повседневное сознание в поиске социальной компетентности рождает гибридные понятия, не вмещающиеся в привычную классификацию, но направленные на размежевание того, что является неадекватным повседневности или создающим возможности освоения и творчества.

Можно прийти к выводу, что гибридные формы, за которые критикуют повседневность как деформацию, патологию или отклонение от социальной компетентности, в большей степени отражают не некие нормативные требования, которые вкладываются в понятие социальной компетентности, а в условиях расколотости, ошибочности убеждений, не коррелируются с реальной жизнью.

Несмотря на свою кажущуюся диаметрально противоположность, обыденное сознание и социальная компетентность имеют общую характеристику объективности, непредвзятости, стремление к тому, чтобы наладить логические мосты между формами постижения социальной действительности.

На этот счет Р. Гвардини писал, что современный человек живет в десимволизированном мире — мире вещей и явлений, «оправдываемых» природностью. Когда же мир расширяется, разрывает свои границы, возникает ощущение своего «я» совсем иного рода. Если человек важен самому себе, понимает себя как личность, он берет на себя построение собственного бытия. Новые социальные знания делают господствующим убеждение, что каждый человек в состоя-

нии иметь собственные суждения и оценки, во всяком случае, человек перестает воспринимать свою жизнь как объекты чьей-то интеллектуальной опеки [1].

Аналогичные изменения происходят, по видимому, и в отношении к социальной компетентности в представлении о том, что каждый человек может и должен выразить себя, иметь самостоятельную позицию. Однако для того, чтобы не быть социальной единицей и не мыслить себя как носителя абсолютной истины, изначальную ценность для личности должно представлять ощущение сопричастности, сопонимания.

В это понятие мы вкладываем готовность пережить хотя бы воображаемую социальную ситуацию или, по крайней мере, принять, что есть иные точки зрения, исходящие от людей, которые в состоянии отвечать за свои действия и поступки. С этой точки зрения, соотношение повседневного знания и социальной компетентности зависит от того, насколько удастся заново переосмыслить то, из чего складывается наше представление об обществе, о нормативном состоянии и о желательном общественном устройстве. Разумеется, стремление обрести сообразность в повседневности вполне сохраняет свой прежний смысл.

Точно так же, как человек уже в порядке самозащиты стремится войти во вновь покинутый мир символов, однако, проблема легитимации повседневности остается «в силе» до тех пор, пока есть навыки толкования, интерпретации и применения, традиция сохранения повседневности на рефлексивном уровне. Именно эту силу теряет повседневность, если сосредотачивается на критике большого мира и стремится продемонстрировать самостоятельность путем ухода от чужих проблем [9].

Из этого может возникнуть неизбежный разрыв между уровнем претензий на здравый смысл и действиями носителя повседневности. Можно легко стать сознательной добровольной жертвой социальной мистификации, если не проблематизировать самоочевидность повседневности. Для синтеза повседневности, логики повседневного знания и социальной компетентности нужно показать, что, во-первых, не существует никаких функциональных эквивалентов для рефлексивной

традиции; во-вторых, в повседневной жизни неявным образом существует бремя доказательства права на разумное истолкование и возможность различий в понимании происходящего.

Логика повседневного знания диктует личности действовать целесообразно в зависимости от ситуации. Конечно, это достаточно упрощенная схема, но дающая возможность видеть в повседневном знании быть обыденным субъектом. По мере смягчения цензуры повседневности оно перестает быть дисгармоничным. И. Т. Касавин и С. П. Щавелев видят причину в том, что сознание всегда изыщет в бытии недостатки и чрезмерно превознесет его достоинства. Смысл всякого сознания в отклонении от бытия, в удвоении с определенными погрешностями, а гносеологическая оценка обыденного сознания нередко направлена на обнаружение этого отклонения, которое она считает нужным ликвидировать, что уничтожает всякий смысл анализируемого объекта.

В этом положении есть, на наш взгляд, достаточно точная констатация того, что обыденное сознание неустранимо и к нему нельзя подходить с позиции перфекционизма, ведущего к аннигиляции, но есть и определенное противоречие. Если бы повседневное сознание определялось только волей или желанием: от субъекта обыденного знания нельзя требовать научных открытий или обнаружения парадоксов действительности.

Вместе с тем, обыденное сознание является и «дверью» к наращиванию социальной компетентности. Классическая философская традиция содержала двойственное отношение к обыденному сознанию: с одной стороны, утверждалось, что именно на уровне обыденности разум проявляется как качество; с другой — обыденное сознание являлось уделом ординарной личности. Аналитика повседневности тем и интересна, что обнаруживает совместимость алгоритма и знания.

Обладея свойством перцепции (восприятия), обыденное сознание структурирует социальное пространство и служит оповещению высшему знанию. В этом смысле нужно говорить о синкретизме современности, ее неразличности, аморфности. Такой ответ приводит к предположению, согласно которому социальная компетентность есть

способность человека находить паритет между различными состояниями повседневности.

Итак, во-первых, повседневное сознание возникает как отношение, схема деятельности и существования, направленная на рутинизацию, обеспечение стабильности и осознания своего «я». Во-вторых, в этом качестве повседневное знание полагается на коллективный или групповой опыт, в иных вариантах — на повседневную интуицию.

Не являясь самоочевидностью, оно становится проблематичным и в неординарных ситуациях, где схемы повседневного опыта обнаруживают частичность или не являются адекватными, и в ситуации раздвижения жизненных миров, обретения особой актуальности преобразовательных намерений. Примечательно, что свойство обыденного сознания состоит в том, что философия интерпретируется как парадоксальность, но реально есть способ перевода компетентности на профанный уровень.

Таким образом, от парадоксальности обыденного сознания могут исходить две интенции. Первая связана с тем, что компетентность тривиализируется, ей придается адаптированный по отношению к нормативной картине искажающий смысл. Другая состоит в том, что, благодаря парадоксальности личность приобретает свое лицо, а повседневное знание понимается в контексте возрастания когнитивного интереса.

Нагруженность повседневности аллюзиями не имеет характера фундаментального различия, поскольку в центре повседневного мира человек и ограничивает свою способность восприятия, обладая встроенным фильтром повседневной селекции, и включается в созидание новых социальных форм, несмотря на предполагаемые страхи и риски разрушить обыденность.

Литература

1. Анисимова О. С. Ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте кризиса социализационной системы трансформирующегося российского общества. / О. С. Анисимова, Л. С. Николаева. // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — №5. — С. 659.
2. Бандурин А. П. Постмодерн и современная культура. / А. П. Бандурин, Л. С. Николаева. // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — №7. — С. 236–243.
3. Беликова К. С. Конструктивный диалог как метод познания. / К. С. Беликова, Л. С. Николаева. // Вестник Донского государственного аграрного университета. — 2014. — №1 (11). — С. 122–130.
4. Бочан С. А., Николаева Л. С., Ключкова А. А. Целостное измерение личности в современном обществе: социально-философский анализ: монография. — Новочеркасск, 2008.
5. Гвардини Р. Конец нового времени: самосознание культуры и искусства XX века. — СПб.: Питер, 2000. — С. 220.
6. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. — М.: Аир-пресс, 2004. — С. 240.
7. Николаева Л. С. Основные методологические подходы к изучению эффективности деятельности преподавателей вузов. / Л. С. Николаева, Т. Н. Чумакова. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2013. — №6. — С. 129–133.
8. Николаева Л. С. Постмодерн как ризомная интерпретация культуры. // Вестник Донского государственного аграрного университета. — 2013. — №4 (10). — С. 100–107.
9. Николаева Л. С. Социально-философский анализ трансформации ценностных ориентаций личности студента. / Л. С. Николаева, Т. Н. Чумакова, К. С. Беликова. // Международный научно-исследовательский журнал. — 2014. — №2–2 (21). — С. 102–104.
10. О критериях эффективности деятельности преподавателей вузов. / Л. С. Николаева, Т. Н. Чумакова. // В сб. «Актуальные проблемы аграрной экономики». Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. / Ред. коллегия: Клименко А. И. (глав. ред.) и др. — Персиановский, 2014. — С. 300–304.
11. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. — М.: Аспект-пресс, 2001. — С. 67.
12. Хабермас Ю. Политические работы. — М.: Мысль, 2005. — С. 94.

Поступила в редакцию

17 марта 2015 г.

Ольга Вадимовна Загорская — кандидат социологических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета.

Olga Vadimovna Zagorskaya — Ph.D., Candidate of Sociology, docent of the Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 22-38-24; e-mail: ngma-ekonomik-upravleniya@mail.ru

Людмила Сергеевна Николаева — доктор философских наук, профессор Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета.

Lyudmila Sergeyevna Nikolayeva — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of the Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 22-38-24; e-mail: ngma-ekonomik-upravleniya@mail.ru